

«...Наша новая жизнь стала такой молодой, дурашливой и веселой. Именно после болезни Валя как-то вдруг сразу отпустил все вожжи. С той поры у нас в семье не стихает смех, мы все время хохочем...»

В. И.: Это действительно так. Но я считаю, что Оля красива всегда, у нее основа великолепная, данная от природы. Лицо у нее... волшебное. Конечно, когда она подкрашивается, причесывается — все становится как-то аккуратней, что-то подчеркивается, выделяются глаза. Но как их ни крась, они останутся такого же цвета и будут так же расположены на лице — огромные, широко расставленные. А какие у нее прекрасные волосы, скулы, губы, нос! Она замечательная!

О. М.: Кошка — так он меня называет... Но я никогда не стремилась быть красивой. Ведь это к чему-то обязывает, а я не люблю, когда меня к чему-то обязывают. Мне гораздо вольготнее ходить в старых джинсах, ненакрашенной...

В. И.: Такой стиль может себе позволить женщина, которая уверена в своей

красоте. Если человек не уверен в себе, он каждую минуту смотрит в зеркало, думает о том, как выглядит. А Оле не надо об этом думать. Она знает, что в нужный момент ей достаточно сделать два-три штриха... и она победит всех.

О. М.: Но чаще всего это проявляется на сцене. Я знаю, что буду такой, какой нужно быть моей героине. И если она красавица — я тоже стану ею. Но в жизни мне комфортнее ощущать себя никакой. Вообще, когда мне делают комплименты по поводу моей внешности, я всегда думаю: «Ну зачем же об этом говорят мне? Это же от папы с мамой, от природы». Другое дело — я абсолютно уверена, что с возрастом вся жизнь человека отражается у него на лице. И если бы я жила как-то по-другому, на моем лице отпечатались бы и угрюмость, и зависть, и зло-

ба... Слава Богу, ничего этого нет, хотя, опять же, спасибо родителям.

— Но не хотите же вы сказать, что в юности в вас мало влюблялись как в красивую женщину?

О. М.: Может быть, во мне всегда было какое-то обаяние? Как-то после окончания института мы встретились с однокурсницей. В разговоре об однокурсниках она вдруг говорит: «Помнишь, как тот парень был в тебя влюблен?» Я удивилась: «Да-а?!» — «Ну, как же, и другой был влюблен, и третий...» Так она перечислила всех мальчишек с нашего курса. Я обомлела. Ведь я этого не замечала.

— Вы так неприступно держались, что молодые люди не смели вам в этом признаться?

— Нет, просто не обращала на это

внимания. Я была погружена в мысли об одном мальчишке, с которым у нас был роман. Это был мой первый, так называемый студенческий, муж. Потому что, окончив институт, мы разошлись. Он был во всех отношениях достойным юношей. Как-то я в него вперилась и больше ничего вокруг не видела... Хотя что-то про отношение ребят ко мне я, конечно, понимала. Но у меня есть такая способность — я всегда умела обращать влюбленность в себя в дружбу... (Лукаво посмеиваясь.) Знаете, у меня очень со многими мужчинами дружеские отношения.

— Валентин Иосифович, в тот период, когда Ольга Михайловна конвертировала любовь в дружбу, вы были женолюбом?

— В каком смысле?

— В прямом. Вы любили женщин?